

ВАЛЕНТИНА АМИРГУЛОВА

НОЕВ КОВЧЕГ (ОТРЫВОК)

ЛИРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТРОК БИБЛИИ

Во дни оны жили на земле исполины, потомство сынов Божиих и дочерей человеческих. Слава об их делах шла из конца земли в другой конец.

Были они величавы и надменны, спесивы и себялюбивы, смешливы и лукавы. Не было еще на земле людей более сильных, хитрых и ловких. Но и они часто оставались в дураках.

Исполины жаловались на обиды друг друга, сводили счета и потихоньку смеялись над своими проказами. И богатырская сила никогда не простаивала. Исполины жили доходами с чужих трудов и своими разбоями. Они научили многих, как отнимать, забирать и не оставаться внакладе. И повелось на земле, что лучше взять, чем отдать, лучше отнять, чем попросить. Героем становился тот, кому удавалось это лучше других. Все смеялись над Мафусаилом, который прожил на земле 950 лет и никого не смог обмануть.

Величавые надменные гиганты знаменитость приобретали не доблестями и заслугами, но великими неправдами и злодеяниями.

Стали бояться люди этих исполинов, как бояться тигров, нападающих в чаще лесов. Исполины всегда отнимали все и даже последнее и, как дикие звери, прятались в зарослях. Но и к бесчестиям их начали привыкать. В разных местах рассказывали разные истории о кровожадности богатырей:

– Он у меня забрал браслет из драгоценных камней.

– А другой отнял все, что было в моей суме.

– Тот, рыжий, вывернул мои карманы.

Больше всех говорили о трех самых кровожадных богатырях. Они появились на большом пиру и заставили всех гостей отдать свои сокровища. И на этом пире они устроили самый большой балаган. Начали делить добычу, кому больше достанется. Стали драться между собой.

И пока они наносили удары друг другу, маленький стал пинать того и другого, а гости под шумок утащили сокровища и разбежались. Наутро весь город говорил о том, что нужно завести

дружбу с богатырями, чтобы на город не напали другие богатыри. Исполины стали знаменитее для всех. Никто их не боялся, но всех они пугали. На исполинов хотели походить многие. И другие стали собирать шайки, чтоб грабить и отнимать. И также они ссорились при дележе добычи, также всем казалось, что большую долю взял другой. И забыли все, что Бог дает силу не на порабощенье, а на защиту. Люди стали выражать презренье любому закону, проявляли бесчиние и самоуправство во всех делах. И становились знаменитыми последнего рода.

Каждые заботились только о себе, запасался пищей, хлопотал о своем скоте. Никто не ожидал и не искал помощи другого. Руку бедного не поддерживали. Бедных всюду можно было видеть по дорогам и улицам. Им запрещалось подбирать забытые в полях снопы, не дозволялось рвать в садах оставшиеся фрукт и овощи. Попрошаек везде отгоняли, побивали камнями. Не давали бедному, сироте, пришельцу оставшиеся колосья и плоды. Не были дома богатых домами милости, а были местом ничтожеств, где вели нечестивую, развратную жизнь. Не только юноша вел развратную жизнь, но и старец делал подобное ему, не только муж, но и жена, не только раб, но и свободный, не только богатый, но и бедный. Размышляя в сердце, каждый стремился к разврату, ни на миг не оставляя нечестия, прилежно упражняясь в нем и делая злое с большим тщанием, не мимоходом, а с усердием, блуждал по беспутиям. Сами падали и других увлекали. Глаза у всех затуманились, языки стали словно змеи. Если кто делал добро, его высмеивали на всех перекрестках, как простака. Никто ведь не делал доброго, такого не понимали даже. На всех местах обитали и господствовали всякие неправды, насильственные посягательства на честь, собственность и жизнь ближнего. От насилия нигде не было безопасности. Все люди, обратившись в плотоугодников, совершенно сбились с правого пути. И загородили свои дороги тернями, и не могли найти стезей своих. Дошли до такой бездны зла, что светом для людей стала сплошная темь.

Свои владения люди увеличивали грабежами и насилиями. Земли свои отмечали кирпичными и казенными столбами. Но каждый посягал на землю соседа своего, и потому больше всего вражды было у соседей. Даже если улыбались друг другу, делали зло исподтишка. Каждый хотел сделать свое жилище крепостью. Но, как вода через эти плотины, пробивалась злоба людей. Они злословили и клеветали друг на друга, травлили на своих врагов кого могли. Если случался пожар у соседа, не спешили его тушить,

а бегали вокруг ради забавы и любопытства. Любили рассказывать друг другу, как посмеялись над соседями. И чья история была более жуткой, тот становился героем дня. Все просто упивались бесстыдством и разбоем.

И просыпался самый богатый с мыслью: «Сегодня я стану еще богаче, если обману еще трех простаков. Я предложу товар, они поверят, что он лучший. А сам отдам их доход в рост. Если будут ко мне приставать, я убью их не своими руками. Мое золото сделает лучше, чем я».

Просыпался самый бедный с мыслью: «Мне нужно сегодня украсть. Пусть отвالتها мои руки, если я не найду, что смогу незаметнее утянуть. Если вещь та будет для меня пустая, ее купит другой простака».

Редко кто просыпался, чтоб не было у него намеренья украсть, или убить, или отнять, завладеть, ограбить.

Каждый засыпал лишь тогда, когда знал: и завтра он для себя поживу найдет. Украсть нужно умело, чтобы никто не заметил, иначе побьют или даже совсем убьют. Ловкие воришки и мошенники были самыми почитаемыми людьми, сметливыми, смелыми и всегда с прибытком. Они ловко соревновались не в спорах, а в клевете. Для них она была заманчивая и тонкая работа, как распутывание клубка ниток. И в самом деле, попробуй быстренько размотай.

И наступило такое время, что каждый час кто-нибудь отправлялся на грабеж.

И больше всего обманывали и жульничали, когда изобрели меры и весы. Опустились все в водоворот черных страстей, бросились по дороге ловушек за сверкающими призраками, заблудились в пещерах мрака. Все были побеждены жадностью, ждали даров и дани. Бросились зарабатывать хлеб обманом, покрывали себя гноем неправды, обкрадывались через уста. И были слова их птичьим клеем. Всех и всяких люди обманывали и обманывались сами и превращались в ищущих обмана. Ведь все стали верить лжи и питались ветром сей утехи. Научились зарабатывать себе хлеб обманом. Стали бегать от правды, как от бича. И невозможно было найти правое слово в их беседе, переплетенной всякими вымыслами, утаениями, придумками, ложью, двусмысленными словами, бездной лестии с коварной улыбкой. Все пытались снискать себе славу самых хитрых и умных в разных коварнейших ловушках для других.

Убийство уже не считалось преступлением, если удавалось его ловко обстряпать. Опустить концы в воду, захоронить труп, чтобы не дознались кому не надо и не дать повода родным на месть. В этом была великая доблесть. Если бы

это не было опасным, этим похвалялись бы направо и налево. Ну и что в самом деле в убийстве было особенного? Не лез бы любой дурак на рожон.

Перед начальствующим только соблюдали пышный чин. Для самых высоких высекали изваяния, а то и золотые статуи. Когда нужно было выпросить подачку, играли около статуй на тростниковых дудочках, но потихоньку клали амулеты из мертвых костей.

А потом разбивали эти статуи и на место их ставили другие, но скоро и около них начинали бросать засохшие букеты. И собирались здесь гурьбой и обсуждали, как убрать ненавистных старых правителей и чью статую теперь можно водрузить. А тех, кому недавно льстили, напоследок старались побольше обобрать, если не удавалось это, обкрадывали их родственников.

И так изо дня в день усердно все продолжали делать зло, не давая себе и в малом ослабы во зле.

И стали люди подобны бесплодному лимонному дереву, которое поднимает ветви вверх, а корнями копается в земле. И души их усыхали без добра, как корень на сухой земле, ведь они пребывали неотступно в великом нечестии, во все ямы падали, во всех сетях увязали. Делали все в ослепленье, день в душе их померк как бы навсегда. Постыдное для них стало преславным. И постоянно полагали они к бремени злых дел другие скверны, и так изо дня в день.

Еще вспоминали, что был на земле какой-то странный Енох. Он делал жертвенники и так угодил Богу, что тот взял его живым на небеса. Кто мог поверить таким придумкам? Жертвенники все давно разрушили, а кадили им одни глупцы.

И вот еще говорили о каком-то странном Ное. Чудак или дурак? Что это был за человек?

Десятым патриархом от имени Адама был Ной, сын Ламеха, из Каинова племени. При рождении его отец возвестил:

– Этот ребенок утешит нас в работе и трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь.

Было так положено Ламеху на сердце, что сын его облегчит проклятие земли за грех отцов всех живущих, за грех Адама, вкусившего запретных плодов в Эдеме. И за это со скорбью питалось каиново племя тяжелым прибытком от проклятой земли во все дни жизни своей, в поте лица борясь с терниями и волчцами, неустанно восходящими между колосьями, заглушающими их цветение и рост. Так созданный из праха земной отец всех живущих заповедовал детям своим возделывать землю, из которой он был взят. И передавалась тоска об Эдемской земле из рода в род о той земле, которая охранялась пламенеющим мечом.

Ной был тот праведник, который получил от отца свое имя «покой». Внук Мафусаила пришел утешить людей на земле, которую проклял Господь. Ной обрел благодать перед очами Божиими, как человек праведный и непорочный во всем. И была у него одна забота – получше устроить душу свою. Был он постоянно утруждаемый заботой о благе своего семейства, но чувствовал всегда Божественное попечение о себе.

Жил Ной с семейством не при бреге морском, но в пределах водных, неудобных для плаванья и морских путешествий. И не имел он корабельных судов и даже рыбацких лодок или легких ладей. Но какая благодать была вокруг его жилища! Синеющие горы, синее небо, долина окаймленная синеющими высотами.

Это была местность, изобилующая ручьями, светлой и чистой водой, место акаций, лимонных рощ, олив. После работ на земле Ной любил посидеть в тени платанов, ветви которого свисали и купались в потоке прохладного ветра, ласково дующего в летние месяцы до наступления песочных бурь с нестерпимым зноем. Любил Ной любоваться на каменные холмы, обильно покрытые золотоцветником, на каменные лестницы, спускающиеся к прудам. А дальше глаз радовали обилие зеленеющих пажитей, многочисленные стада, которые паслись под надзором пастухов.

И было безмолвие Ноя, как голубица в ущелье скалы под кровом утеса, это был его безмолвный разговор с Творцом. По Твоему мановению, Господи, было создано Небо Небес – Высочайшее Небо, третье жилище бесплотных. Невидима была земля глубоко под водами и тьма вверху бездны, над самой водою носился непроницаемый мрак.

Вначале Словом Божиим небеса были составлены из воды и водою.

И Дух Божий, осенял ее, согревал, оживотворял.

Для Всемогущего достаточно изречь одно слово, чтобы дать бытие любой твари. Так речет и бывает, повелевает и создается. Слово Его – мановение всемогущей воли, произведшей из ничего всю Вселенную. И везде Бог – свет, яко добро, как и должно, по Его премудрости и благодати. Но этот свет может превращать алмазы в пыль. И когда Ной покидал свое безмолвие и меч в города и селения, его ужасали ничтожность дел вокруг, суэта и развращенность сердец. И говорил он всем, чтобы они покинули пути лукавства и неправды. Все смеялись над безумным стариком, среди них же были исполины, великие ростом и своим умом. Нет, никто не хотел понять, о чем вообще-то говорил этот выживший из ума старик.

А женщины вообще не обращали на него внимания. Теперь они делали скульптуры из окрашенной глины в честь самой красивой женщины Ноемы. Она могла обольстить любого мужчину. И женщины были готовы ей поклоняться, как первой богине. Она научила их сурьмить глаза, красить губы и волосы, она, как никто, могла завивать и заплетать их и украшать драгоценным убором. Все стали, как Ноема, надевать наряды из тончайших прозрачных тканей. А как она могла танцевать под звуки свирели и арфы! Лучший поэт назвал ее утренней зарей в небесах.

А Ной наставлял невесток своих, чтобы они украшались духовной чистотой. И будут они как красные лилии, как плоды благоуханные.

Как болело сердце Ноя, что глаза всех затуманились и не понимал никто уже, что такое добро. Ной для всех был самым великим простаком и сумасшедшим. Он никогда не крал, не отнимал, не злословил. Он одевал бедных, но те от него убегали и смеялись над безумным. Он принимал в дом странников, даже если они его обирали. Он давал кров, одежду и пищу сиротам, но они не желали оставаться под кровом презренного старикашки. И у них сразу же находились новые наставники. Они смеялись над тупоумным Ноем. Но у него даже злости не было на тех, кто отвечал ему коварной неблагодарностью. Ведь ясно же, что дед полностью не в своем уме.

А Ной непрестанно скорбел о тех, кто кружился в танце утех, как пыль в вихре, как соломинки пред ветром, как мошара пред огнем. И просил Ной у Господа объяснить ему, как помочь сим погибающим.

Горько и Господу было видеть людей в таком состоянии, и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем. Но Бог ничего не может делать такого, о чем ему потом следовало пожалеть. Он все делает с совершенной премудростью и знанием всего, что выйдет из Его дел. Погрешности свойственны только существам ограниченным, непредусмотрительным и изменчивым. Бог не человек, чтоб Ему раскаяться, но он знает, как исправить свое творение, не соответствующее назначению своему. Он благословлял дела только Ноя и его семейства, слышал его слезные мольбы обо всех и решил утешить праведника.

Бог проявляется в громе и молнии, в землетрясениях. Дуновение Господа заполняет весь мир.

И сказал Ной сынам:

– Мне явился Бог и открыл волю свою. Грехи людей увеличились, и сделались пылью, и застлала глаза всем. Нашлет Господь воды на землю и погубит всех. И воля Его Господня, чтоб

только мы спаслись, я, и сыны мои, и наши жены – всего восьмерица и скот. Нам нужно делать ковчег, чтоб всем вместились. Размер его триста локтей, а сделать его нужно из осмоленного бруса.

И сказал Ной своей жене:

– Я построю этот плавучий дом.

– А как же он будет плавать? Ведь мы живем не у моря?

– Этот дом нас сможет спасти, когда все утонут, когда все зальет вода.

Ничего не ответила ему жена, научил он ее послушанию. Она знала, что муж так же послушен воле Божией. Если так он решил, значит нужно это Богу. Она верила мужу во всем. Она знала: плавучий дом он построит.

И обнажили Ной с сыновьями мышцу и перепоясали чресла они. Но у сыновей возникло сомнение.

– Мы будем делать ковчег, а кто же будет кормить нашу семью? Неужто поля наши останутся невозделанными? – спросил Хам.

– Как же быть? – спросили вслед Сими Иафет.

– Господь промыслит все за нас, – ответил Ной и взглянул, предвосхищенный, на небо.

И в первый же год нива была обильна произрастанием. Земля, орошаемая росой небесной, превратилась в тучную ниву. Обилие пажити всех удивляло. Невестки не успевали вязать в поле снопы, обирать плодоносные деревья. И собрали они урожай, который кормил их сорок лет. Все стало споспешествовать делам семьи Ноя.

Невестки срывали благовонные и свежие растения. Даже малой пищей насыщались все. Масло в сосудах не убывало, лепешки были как никогда вкусными.

Так сердечную веру Ноя Господь вменил ему в правду. Значение Божьего благословения узрели и сыны.

Десять лет Ной с сыновьями рубил дерево гopher. Выбирал стволы, что повыше, и рубил. На волю привозили срубленное дерево к дому, срубали ветви, сушили. В поте лица работали Ной и его сыновья.

– Отец, если ты решил построить корабль, нужно было делать это у моря, – говорил недоуменно Хам.

– Это будет корабль не для путешествий. В нем во время потопа укроемся мы и четырнадцать тысяч зверей. Нам надо в ковчеге разместить для всех пищу.

– А послушай, отец, люди говорят, что мы все выжили из ума.

– А вы не обращайте внимания на досужие пересуды. Не мы обезумели, а они, и будут страшно наказаны.

– Отец, я во всем верю тебе, – говорил Иафет.

– Я знаю, это не ты хочешь делать ковчег, это хочет сам Бог, – добавлял Сим.

Каждый день Ной с новыми силами приступал к работе. Гофер было крепкое дерево, трудное в обработке, его смолистый ствол не сразу поддавался, но Ною и сыновьям работать с деревом было не тяжело.

И приходили посмотреть на их работу зеваки, носящие пояса и виссоны, украшенные богатыми металлическими и драгоценными пряжками. И глядели с удивлением, как Ной с сыновьями сбрасывали свои полотна, надевали вретича и кожаные пояса.

И любопытствовали те, кто приходил в одеждах пурпурных и багряных:

– Что это делает Ной? Корабль? А где у него мачта, кормила и паруса? И почему корабль делают из бруса, а не из досок?

Ной спокойно объяснял ротозеям:

– Ковчег спасения должен иметь прочные стены, сильные скрепы и крышу, чтобы спастись от потопа, чтобы вода не смогла никуда проникнуть и ковчег не смог бы поддаться ее напору.

Приходили насмешники в одеждах из шерсти овец и козьего меха, лукаво улыбались и говорили:

– Глядите, это новые исполины! Как могут легко тягать эти бревна. И зачем столько тратить сил на ненужный корабль, когда можно было бы построить огромный дом?

И приходили в покрывалах, обвитых вокруг тела, становились на расстоянии на вержение камня и начинали велеречить:

– А может быть, вы будете рыбку ловить здесь на костные крючки? Мы бы вам посоветовали ловить лучше неводом. Как устанете, приходите к нам отдохнуть и развлечься.

Говорил кощунникам Ной:

– Берегитесь, чтоб Господь вам не вынес окончательный приговор. Горе тем, кто не обуздывает свой язык, не исправляет свой нрав.

Насмехались кощунники, вопрошали:

– Чем докажешь ты правоту своих слов?

– Истинность слов оправдывается силой знамений, которые видят сыны света, а не сыны тьмы.

Еще больше смеялись над этими словами души гордые и свирепые:

– Но разве не видно, что семейство Ноя в полном составе сошло с ума!

И приходили в одеждах, что свисали ниже колен, и вещали:

– О каком потопе вы говорите? Что вы поклоняетесь духу дождя? А дух солнца даже выше духа луны.

И приходили самые веселые, с арфами, и хотали до упаду:

– Этот старик говорит, что скоро весь мир

погибнет! Ну почему тогда нам не веселиться и не резвиться? Будет много воды, и нивы станут еще плодороднее. И опять мы в прибыли. Ха-ха-ха-ха.

И говорил Ной сыновьям:

– Не бойтесь укусов шершней. Они даже не черные аспиды, не василиски. Их слова – дымящиеся головешки, которые скоро угаснут. Они уже ничего не могут понять, кроме лихвы и обмана. А из ваших душ пусть идет, благовонное миртовое масло, текущее каплями смиренны. Мы сделаем свой ковчег. Вот такой будет наш ковчег.

И показывал отец сыновьям глиняную табличку, на которой он нарисовал тот ковчег, который спасет их.

На краю гибели человеческого рода дал Господь сыновьям ради любви и веры отца почувствовать силу спасения. Внимали они Ною и не противоречили ни в одном слове. Но только Хам сказал:

– Отец, но такой ковчег можно построить только за сотни лет.

– Да, так решил Господь и определил, что будет время дано на то, чтоб человеки могли раскаяться.

– А если они все раскаются? – опять спросил Хам.

– Тогда нам не нужно будет прятаться в ковчеге. Но мы будем постоянно лицедреть, как велика забота Господа о нас. И будет так явно, что все дни, в которые мы будем возводить ковчег, Господь будет нас питать, без особых трудов будем мы добывать себе пищу. И это будет благословением всем нам. Сыны мои, исшедшие из чресл моих, любовью и послушанием вы должны ходить во след стоп моих, и все мы должны заботиться только о том, чтоб не прогневить Бога.

– И приподнял Ной руки и распростер их, и вещал как бы пред Лицом Божиим:

– Ты, Господи, дал повеление мне построить ковчег, и вот я призываю сынов трудами многими заслужить право взойти под кров спасения Твоего.

И когда говорил это Ной, как бы осияние снизошло на него свыше. И это не могли не видеть даже сыны, ибо лицо отца все преобразилось и было осиянно, словно светом. И их сердца, доселе хладные и спокойные, вострепетали. Прежде отец говорил им о гибели и спасении, но очи их не были так раскрыты, дабы увидеть, что отец выполняет волю Божию.

Вестником Божией угрозы стал Ной, который посему и назывался проповедником правды. Ежечасно мучился праведник, видя и слыша дела беззаконных. И вопили пред Богом сами злодейства, вызывая Его к совершению над ними грозного

суда. Все смеялись над безумным стариком, но он был тверд, как скала. И твердость его питалась тем, что он прозревал величественные и таинственные Божии внушения. Он не расточал, а сохранял слова Господа в своем сердце. И, отдыхая от дневных трудов в тени древнего сикомора, благодарил Создателя за еще один подаренный день, которым отложено было наказание. Бог создал человека не для того, чтобы наказывать, но для того, чтобы даровать ему бесчисленные блага, оттого он отказывал и замедлял свой праведный суд, ибо смерть есть оброк греха.

Любовался Ной на земные красоты, на поля, сияющие богатством зелени, на полет птиц, на их беспечное порхание.

Еще 120 лет дано было грешникам на покаяние, хотя уже преизбыточествовала мера беззакония, не осталось надежды на спасение и на стопу ноги. Неужели уже скоро погибнут и вербы, что растут у источников вод, и былые травное, и олеандры, растущие вдоль берегов? И страдала душа Ноя не от насмешек, снедала его скорбь за души погибающих, которые и не желают спастись. Сердца людей превратились в казенные плиты. И ничьи слова уже не могли пристыдить и образовать их. Яд злобы из их уст снова входил в их утробы. Можно ли кого насильно спасти?

Слово Божие для всех скрывается подобно искре внутри камня. Можно заставить горы передвигаться, но не эти каменные сердца.

Продолжал Бог даровать им бесчисленные блага, все замедлял и откладывал наказание людей.

И по-прежнему трудился Ной с сыновьями с утра до захода дневного светила. И дети Ноя не услаждались роскошью роскошных тканей, украшенных кораллами и рубинами, благовониями. Но были одежды их во всякое время светлыми. И говорил им Ной:

– Деяния ваши драгоценнее запаха шафрана, которым опрыскивают дорогие палаты, чертоги.

Невесткам говорил праведник тоже утешения:

– Всегда берите свои покрывала и укрывайтесь им, как знаком покорности своим мужьям. Не завидуйте тем, кто носит красивые цепочки на ногах, ожерелья, увясла, и запястья, и пояса, и сосудцы с духами. Наступит день, когда отнимет Господь эти игрушки. И будет вместо благовония – зловоние, вместо пояса – вервь, вместо широкой туники – узкое вретиче и клеймо погибели. И получают это за лень, разврат и необузданный язык.

И по-прежнему все споспешествовало делам семьи Ноя. Не было недостатка в трапезе. Невестки сушили смоквы, пекли ячменные, инжирные лепешки в глиняных духовках, варили чечевицу,

бобы в растительном масле, собирали миндальные и фисташковые орехи. Успевали полоскать в быстрых потоках рек туники и плащи, кожаные пояса, козьи шкуры.

Вовремя они собирали маслины и ссыпали их в чаны. И не иссякали свежие молодые силы сыновей. Не оставляла твердость и Ноя все дни, пока возводили ковчег, и вещал он своим сыновьям:

– Древом этим рукотворным малая вода обернется для нас в спасительную. Древом умер наш праотец Адам, древом и оживет в земном вертограде. Бог назначил спастись всего восемерице, чтоб показать сим малым числом свою неизмеримую силу. Мы дадим путь новому миру на земле.

И еще быстрее начинали работать сыновья. Бревна тащили так, будто и не было никакой тяжести. И если падали брусья, они не приносили вреда. И во всем сыны следовали стопам отца, не выпуская из своих рук тесло, топор, долото. И как будто сами собой точно подгонялись балки, словно в руках искусных мастеров. И не уставали быки в работе.

А у сыновей не истирались даже набедренные повязки.

Не иссякало молоко у козы.

Не истиралось мыло из оливкового масла при стирке. И так же после полуденного зноя семья Ноя садилась в куще и после благословения вкушала лепешки пшеничные, замешанные на меду, сыр и молоко. И благодарил Ной после принятия пищи за небесную помощь и понуждал сынов к постоянным трудам:

– Некогда нам возлежать на мягких ложах, нежиться на подушках, набитых перьями, не забудьте, что даже камни и бревна будут лежать как прах на дне морском. Благодарите Бога за все и будете всегда в изобилии.

Да, это было так, хотя непонятно для сынов, как получалось, что все давал Господь.

– Так и будет всегда, если не иссякнет у человека страх и упование на Создателя своего.

В еженедельный день покоя, отдыха и поклонения Богу семейство Ноя вкушало праздничную трапезу рядом с ковчегом, в куще, и восхваляло Творца. И говорил за трапезой Ной:

– Праведники как зерна риса, которые присоединяются одно к другому. И из них печется хлеб. Души ваши могут воскреснуть, как семя, умирающее зимой и воскресающее летом.

... И приходили снова кощунники и удивлялись, что ковчег почти совсем готов:

– Вы в самом деле надеетесь, что ваш корабль поплывет по суше? И сколько ж на него пошло лучшей древесины!

– А будете вы отделять ковчег слоновой костью или черным деревом?

– А кто кормчий будет у вас?

– А у кого будете выпрашивать счастливого пути?

И смеялись, и уходили кощунники. И жалел их Ной, что они не хотят опомниться и остановиться.

Ждал Ной, что, может быть, что-нибудь подвигнет опомниться людей. Господь давал им время, чтобы раскаяться и спастись.

Сто лет Бог еще выжидал, чтобы пробудились души и опомнились люди. И только Ной все умолял Творца, каждый вечер провожая закат, глядя в световые переливы в сухом и чистом воздухе, просил:

– Может быть, завтра, Господи, кто-нибудь из людей проснется другим? Если опомнится один, за ним другой, и человеческий род можно спасти?

А Хам, слушая мольбы отца, говорил ему:

– Будет хорошо, если те, о ком ты просишь, не придут и не убьют нас.

– Если Господь захочет нас спасти, то он не попустит гибели нам, даже если ее будет замышлять весь мир.

Так было велико упование Ноя на Бога своего.

Только непрестанно скорбел он о тех, кто кружился в поисках утех. Будут взяты они в море скорби из блестящих палат и из хижин, те, кто не увидел гнева Божия в громе и молнии, в приходе опустошающей саранчи, до тла пожирающей все на земле. Не узрели заблудшие Божия Лица в воспламененных облаках. И непонятно им до сих пор, что грозное дуновение Бога как поток серы, как буря, которая бьет в лицо.

И проходил год за годом. Ранние дожди сменялись поздними, когда целые стаи перепелок, уток улетали в дальние края, а потом снова певчие птицы оживляли своим разноголосым щебетанием окрестности, призывая весну. Все в мире изменялось в свой черед. Но только люди продолжали неизменно ежедневно прилагать к бремени своих грехов новые скверны. И продолжали они блуждать в потемках, где нет света, где все темно и мрак. Были они все теми же обкрадываемыми через уста и дела свои. Отвергая Божественный покров, пребывали в смраде тщеславия и удаляли Божию милость от себя.

Невозможно пламени происходить от снега, нельзя найти спасения от нечестия своего. И понял Ной, что источник милосердия Божия для омраченных обратится в исток отмщения. На всех злочестивых местах. Где высокосердые искали улады душ, там обретали пустые призраки, не замечая даже, что сладость у них обращается в горечь, как все пути становились страдными

дорогами. Никто уже не мог зажечь светильника душ грешников. И не дано им было уже ничего понять, не отведав вкуса смерти. Никто не мог пригнуть их никчемную выю, чтоб отвести от притворства, двоедушия, лукавства.

И страшило Ноя всеокаянство людей.

Смрад бесконечного объедения опутал их. Со тщанием они спешили на трапезы, чтоб поглощать там диковинные блюда с соусами и пряностями.

На пирах преуспевали в зависти и злоречии, там легко было увлечь в свои сети и неразумных. Рассказами о злодействах своих увеселялись. А больше всего смеху вызывал рассказ о Ноевом ковчеге. Таких чудачков на свете еще не было. Свой ящик он строил уже сотни лет. И вот теперь построил его, залезет в него и будет жить. Так еще пугает людей каким-то потопом. А иные удивлялись, как же им удалось построить этот ковчег без наемной силы? Ной – человек, которому не место среди людей. Он всех пугает и просит одуматься. Когда же он перестанет вопить?

Но о Ное быстро забывали и говорили о других делах, хвалились, кто больше успел наворовать за последнюю луну.

... И вот время всякого человека пришло пред Богом, время погубления всех людей, когда гневный взор уже обращен на землю, когда даже камни должны быть сдвинуты со своих мест. Наступило время погубления людей. Растлилась земля перед Богом и наполнилась скверной неправды. Разврат, нечестие и непотребства растлили в все вокруг. Земля, оскверняемая кровью и оскорбляемая преступлениями, не могла уже прорасти и дать в полной силе плод. Осуждалась земля, хотя невиновна она была перед Богом, но осквернена она была делами нечестивых людей и носила следы неправды, вопиющей до самых небес. Земля осквернилась во все стороны до последних пределов. Суд живущих на ней людей не медлит, и гибель их не дремлет. И судья накормит сей род польною, напоит водой и истребит.

И сказал Тот, из уст Которого слова никогда не выходят напрасно:

– Я истреблю сей род.

... В шестисотом году жизни Ноевой в семнадцатый день месяца разверзлись все источники великой бездны. И окна небесные отворились. Разверзлись небесные хляби.

Дождь шел, шел и шел. Вначале по дорогам, ложбинам, горам бежали потоки в виде мутных ручьев, быстро наполнились шумящей водой глубокие рвы, вздулись реки. Скрылись под водой западни, сети, ямы. Заливала вода рвы, загороженные тыном, удобные водопои. Уже давно наполнились каменные корытца для водопоя скота, во множестве окружающие колодцы. Уже размыло

дождевые пруды, окруженные глиняными валами, терновником, олеандром и тростником. Теперь даже нельзя было проплыть на лодке там, где проходили бродом каменистое русло, переполнялись пруды, зловонные водосточные ямы, заливались плотины, каменные мосты. Вышли наружу подземные водоемы. Уже все равнины были изрезаны мелкими руслами потоков. Вот уже залиты песчаные и каменистые берега. А места, бывшие равнинами, теперь стали озерами. Затопило равнины и море, выступившее из берегов. Вода со страшной силой хлынула через проливы и уничтожила пахотные поля, богатые нагорные нивы.

Но все продолжали ожидать. Вот-вот и небо затворится, как бывало всегда, даже в самые сильные ливни.

Но скрылись под водой поля кунжута, проса, где высевали маис, пшеницу, ячмень. Утонули нивы пшеницы и ячменя, скрылись под водой долины, окаймленные горами, исчез под водой высокий тростник, боярышник, пламенеющий вдоль источников. Реки пробивались и сквозь песчаные холмы. Вокруг были видны уже только песчаные острова, каменистые холмы, рощи, склоны, покрытые маслинами, смоковницами, абрикосами, тамарисовыми пальмами.

Вода зашла в города.

Побросали свою работу те, кто в каменоломнях высекал глыбы, те, кто месил для строительства глину и известь, те, кто палками выколачивал чернуху из точил, те, кто заполнял вином чаны, каменные водоносы.

Кто торговал, перестал торговать. Кто нес в ров, не доносил. Кто разжигал терн и хворост на каменном полу, не сможет найти огня.

Стали метаться и в домах, кто отдыхал на глиняных диванах и лавках, кто спал на перинах и коврах.

Что же такое? Скрылись уже терновые плетни под водой, залиты амбары, цистерны, кладовые с пшеницей. Залиты водой дворы с глиняными стенами, каменные мостки. Утонули дома из глины, из нетесаного кирпича.

Теперь была видна только кровля над водой самых высоких домов.

Люди бежали на высокие горы и там искали убежище в пещерах, где раньше прятались шакалы и лисы. Молодые и старые карабкались по крутым

склонам, по скалам, покрытым кустарниками и деревьями. Они сразу все вспомнили своих ложных богов и молили их о спасении, обещали поставить им алтари, совершать непрерывные жертвоприношения.

Только эхо вторило разрозненным воплям. Те, кому удавалось взобраться на вершины гор, с ужасом взирали на вздымающиеся кверху воды, на уже погибших в водной бездне, на перевернутые бурными потоками посудыны, на плоты, что кружились вокруг с обреченными, на надутые кожаные мешки.

Разлилось море по всей земле. Везде была вода, вода, ничего, кроме воды. И люди снова бежали, не зная, где же укрыться им. Вбирались на деревья и оттуда с ужасом взирали вниз. Вокруг плавали останки развалившихся мазанок, терновые плетни, сено, солома, приготовленные для скота деревья, вырванные с корнями, трупы животных и людей. А дождь все лил и лил. Вода прибывала, густая мгла поднималась от земли к небесам. Вокруг стоял оглушительный рев воды, разлетались тучи водяных брызг.

Вода покрывала горы и уже заглатывала их вершины. Становилось так темно, как будто никогда не было ни земли, ни дневного света. Люди гибли от холода, голода, но не прекращался ливень и мрак.

Везде простиралось безбрежное море, бушующие потоки.

Разрушались города, укрепленные до небес, с двойными стенами, массивными воротами, с самыми дорогими домами из кедровых балок, с кедровой облицовкой, с дверями из масличного дерева, с резными украшениями, позолоченными фигурами, с мозаичными полами.

Залиты были когда-то надежно защищенные дворы, покрытые мрамором, с колодцами, с подземными цистернами.

Плавали по земле трупы, изверженные из недр водой, клетки, недавно наполненные мукой, деревянные балки, кожаные черпаки, глиняные горшки, деревянные ларцы, отделанные драгоценными камнями, резные изделия и сосуды, из них растекались благовонные масла.

А дождь все прибывал и прибывал, и все не наполнялась мера Господня гнева...